

С.Л. Ивашевский

**ГЕНЕЗИС И РАЗВИТИЕ ИДЕАЛА ОБРАЗОВАННОСТИ
В ИСТОРИИ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ**

В процессе стандартизации образования важное место занимает проблема идеала данной социальной структуры. Идеал, являясь формой опережающего отражения, исходит из динамики социальной действительности и указывает направление ее преобразования. Практическое значение идеала образованности заключается в мотивации им соответствующей деятельности субъектов. Непосредственную же связь желаемого с действительностью призваны осуществить стандарты, выполняющие моделирующую функцию в сфере образования.

Целенаправленная образовательная деятельность субъекта невозможна без наличия идеала образованности. Отсутствие последнего ведет к дезориентации, хаосу и неопределенности в культурном развитии общества. Признание неприемлемости такого положения дел в сфере образования в разные исторические периоды приводило к оформлению своеобразных идеалов и педагогических концепций. Генезис идеала образованности был объективной необходимостью в поступательном развитии общества в ответ на углубление и расширение обыденных и научных знаний об окружающем мире.

Важное место идеал образованного человека занял в философских и педагогических концепциях античности. Из высокой оценки состояния системы образования в Древней Греции следует наличие там определенного идеала для лиц, включенных в эту сферу жизнедеятельности. Их идеал состоял в «живом и гармоническом развитии индивидуальных сил человека в период его юности, как будущего деятельного органа и члена своего гражданского общества» (1, с. 2) и получил в философских размышлениях античных мыслителей название *калокагатия*. Ни в одном из современных европейских языков нет идентичного понятия. *Калокагатия* (*calos* — прекрасный, *agathos* — добрый, хороший) — прекрасное и хорошее, прекрасное и доброе — относится к характеристике человека, прекрасного и телом, и душой. В «Очерках по истории античной педагогики» Г.Е. Жураковский определил калокагатию как «совокупность «добродетелей», относящихся прежде всего (в данном случае первое не означает важнейшее) к тому, что является соединением всех возможных оттенков внешней красоты, а также и красоты внутренней, причем критерием последней является годность к исполнению гражданских обязанностей в классовом государстве» (2, с. 32-33).

Сложность и многогранность данной категории были определены и разноречивыми суждениями о ней древних философов. Классическое же понимание калокагатии, как указывает А.Ф. Лосев (3), мы можем найти в трудах Платона и Аристотеля. По определению Платона, это — «способность избирать наилучшее» (4, с. 430), необходимое свойство правителей, т. е. тех, кто ведет государство к осуществлению наивысшей цели добра — идеи добра. Достижение идеала образованности, по Платону, должно осуществляться через несколько ступеней элитарной подготовки. В первый десятилетний цикл своей программы автор «Государства» включил арифметику, геометрию, стереометрию, астрономию, диалектику. Тем же, кто пожелает продолжить изучение последней, предназначался второй (пятилетний) цикл, по окончании которого завершившие образование должны в течение 15 лет отдать свои силы и знания государственным делам. Осознание Платоном неготовности общества к восприятию его «идеального» государства приводит к созданию более реалистичных «Законов». Там выдвигаются несколько иные цели воспитания — с детства вести человека к добродетели, «заставляя... страстно желать и стремиться стать совершенным гражданином, умеющим справедливо подчиняться или же властвовать» (5, с. 107). В «Законах» требования к высшей ступени образованности предусматривают знание арифметики, геометрии и астрономии, при особом отношении к последней, так как, по мнению автора, небесные светила божественны и кто судит о них неправильно, умаляет величие богов. Созданные Платоном педагогические системы имели гораздо более широкие цели, нежели усвоение определенного набора знаний, необходимых для жизни и управления античным полисом. Выбор структуры и содержания мусического, гимнастического, высшего образования был определен задачей всестороннего развития человека, постепенного восхождения его к идеальному состоянию.

Калокагатия у Аристотеля — это целостность человека, которая проявляется в единстве и взаимопроникновении всех существующих добродетелей. В «Большой этике» мыслитель указывает, что «в отношении человека вполне добродетельного есть неплохое имя — нравственная красота (*kalokagathia*)» (6, с. 360). А в его «Никомаховой этике» отмечено: «добродетельный в частном и образован применительно к частному, а вообще добродетельный образован всесторонне» (там же, с. 56). Таким образом, нравственный идеал Аристотеля (калокагатия) неотделим от его идеала образованности. И хотя он не оставил нам, как Платон, стройной системы достижения этого идеала, в «Политике» мы находим рекомендации для детей изучать гимнастику, грамматику, музыку

и рисование (там же, с. 630). О суждении Аристотеля об образовании повышенного типа можно судить по его практической деятельности в Ликее. Там обучение имело двоякую форму: «экзотерическую» — риторика и «эзотерическую» — метафизика, физика и диалектика. Предложенные философом предметы и формы образования подразумевают идеализацию единства развития интеллектуальных, физических и нравственных качеств личности.

Греческие идеалы образованности претерпевают серьезные изменения в Древнем Риме. Как отметил А. Трачевский, «римлянин должен был иначе смотреть на воспитание, чем эллин. Ему недоступны были такие тонкости, как эстетизм, как гармония и калократия: он знал только «пользу (*utilitas*)» (7, с. 14). Из принципа полезности складывается идеал «оратора» как главный ориентир римской системы образования. Высшей его ступенью становится риторика. Без овладения искусством красноречия нельзя было прослыть образованным человеком, а значит, и занять достойное место в структуре римского общества. Риторика стала определять направленность педагогики, ради нее изучались все другие науки. Например, Цицерон настаивал на обязательном для оратора изучении философии, особенно ее раздела о «жизни и характерах», этики, истории. А в трудах Квинтилиана представлен весь путь, приближающий к древнеримскому идеалу образованности: «Коль скоро выучится отрок читать и писать, тотчас надлежит занять его Грамматику.... Но для Грамматика недостаточно одного чтения Стихотворцев: ему надобно рассмотреть творения всех родов. Не для исторических только сказаний, но и для слов, которые часто получают значительность и силу свою от важности употребивших оные. Сверх того, Грамматик не может быть совершенен и без некоторого понятия о музыке; ибо он должен изъяснять звуки и меру. Так же, не зная течения планет, не будет разуметь стихотворцев, кои часто говорят о восхождении и захождении светил, для означения времен года. Надобно быть ему сведущу в Философии» (8, с. 341). Такая ориентация на максимально возможное расширение образования в практике зачастую выливалась в поверхностное многознайство, но все же определила появление стройной образовательной системы, которая играла положительную роль в распространении просвещения, в сохранении и развитии научного знания.

После варварских нашествий и войн V—VI вв. христианская церковь, объявив равными перед Богом всех людей, а братскую любовь нормой отношений между ними, указала путь к спасению от всех бедствий и выступила творцом идеалов наступающего средневековья. Новый идеал образованности изначально развивался

в двух направлениях. Первое делало акцент исключительно на развитии внутренних свойств человека, его нравственности, приверженности христианским добродетелям — милосердию, уважению к ближним, почтению к старцам, сочувствию к несчастным. В качестве целей такого воспитания выдвигались смирение, аскетизм, полное подчинение авторитету. Это направление нашло яркое отражение в монашеском идеале воспитания. Основатель монашества на Западе Бенедикт Нурсийский (VI в.) отрицал обучающую функцию воспитания вообще. Он утверждал, что христианину науки не нужны, ибо истинной для него школой является школа служения Богу. Главными обязанностями бенедиктинцев было чтение молитв, церковные песнопения и физический труд. Но более значимым стало другое направление, представлявшее собой попытку решить господствующую идею времени — идею союза светской и духовной власти, что предусматривало наличие группы особого рода образованных людей. Зарождение подобных идей мы встречаем уже у Аврелия Августина, который утверждал, что «изучение свободных наук, добросовестное, разумеется, и отчетливое, делает любителей истины в стремлении к ней более бодрыми, более настойчивыми и более подготовленными» (9, с. 126). Таким образом, характерная для средневековья ориентация на познание божественных истин связывалась в идеале образованного человека с необходимостью овладения целым рядом светских наук. Систему такого взаимодействия разработал видный итальянский ученый и государственный деятель VI в. Боэций. В содержание своей системы он ввел знание грамматики, риторики, диалектики на первом уровне (*trivium*) и арифметики, геометрии, астрономии, музыки — на втором (*quadrivium*). Этот круг наук и последовательность их изучения были продолжением греческой традиции в теории и практике обучения. Прохождение двух указанных уровней образования должно было привести к постижению высшего знания — Философии и Теологии. Преемником Боэция стал Флавий Кассиодор. Теоретические размышления о необходимости связать светские знания с догматами христианства он попытался реализовать на практике. С этой целью в 555 г. Кассиодор основал общежитие Виварий. Для поселившихся там учеников ученый написал «Наставления в божественных и светских науках», где объединил разнообразные сведения из области математики, медицины, географии, сельского хозяйства, истории, изложил взгляды и концепции античных мыслителей, а также основы тривиума и квадриума (10, с. 189).

Интерес к греко-римскому наследию особо усиливается в XII в. Большим успехом в среде образованных людей стали пользоваться

труды Аристотеля. Официальная церковь вынуждена была встать на путь синтеза христианства с учением греческого философа. Осуществить эту задачу попытался Фома Аквинский. Высшим уровнем познания у Аристотеля являлась *sophia* — «первая философия». Фома Аквинский вложил в это понятие чисто теологическое содержание. Как отмечает Ю. Боргош, «ее объект оказывается сведенным к абсолюту. В результате человеческое стремление к познанию оказывается перенесенным из земной, объективной реальности в сверхъестественный, иррациональный мир» (11, с. 43). Признавая теологию высшей мудростью. Фома не отрывает ее полностью от других наук. В интересах церкви было подчинить себе развивающиеся научные течения; и он обосновывает суждение о том, что все науки разделяются на две части: основанные на положениях, открытых естественной познавательной способностью человека — такие, как, например, арифметика и геометрия, и основанные на положениях, появившихся посредством иной, высшей науки, каковой является Священное учение. Высшей наукой Фома называет знание, которым обладает Бог. Теология свои основоположения получает непосредственно от Бога через откровение, и ее зависимость от других наук обусловлена не осознанием неполноценности, а недостаточностью человеческих способностей понять эту высшую науку. «Последнюю, — указывает Фома Аквинский, — легче вести от тех предметов, которые открыты естественному разуму, источнику прочих наук, к тем предметам, которые превыше разума и о которых трактует наша наука» (12, с. 827). Влияние суждений этого средневекового мыслителя длительное время оставалось определяющим для образовательной политики европейских государств.

Переосмысление места и роли человека стало одной из важнейших проблем зарождения новых буржуазных отношений. Решение ее было связано с более широким изучением античной философии, что повлияло на само название этого периода в развитии европейской культуры. Философская мысль Возрождения создает новую пантеистическую картину мира, где человек поднимается до уровня божества. Признание собственного величия пробуждало преобразующую активность личности в отношении самой себя и всего окружающего. Гуманистическая культура противопоставила церковно-схоластической учености новое отношение к проблеме образованности. Философская и исследовательская деятельность Дж. Бруно, Н. Коперника, Г. Галилея и других видных мыслителей данного периода освобождает человека из-под власти авторитетов и церковных догм. Богословие теряет свои прежние позиции, не вера, а уже чувства и разум должны были направлять познаватель-

ную деятельность личности. Педагогические новации Возрождения ярко отражены в творчестве французского философа-гуманиста Мишеля де Монтеня. Он призывал доходить в познании до личной убежденности, которая происходит из собственных опытов и их анализа. В приобретении знания первостепенную роль у него играют чувства: «Всякое познание пролагает себе путь в нас через чувства — они наши господа» (13, с. 302). Обучать детей в школах французский гуманист рекомендует, опираясь на конкретные примеры и дела, приобщая учеников к творческому познанию, ни в коем случае не навязывая каких-либо истин, а только основываясь на глубоком осмыслении и понимании. Успехи в области математики, экспериментального естествознания, астрономии приводят к убежденности в неограниченных возможностях человеческого познания и необходимости расширения идеала образованности. Это выливается у Монтеня в призыв учиться везде, у всех и всему, который в следующую эпоху Нового времени перерастает в настоятельное требование Я. Коменского — «наставлять всех, всему и всесторонне». Идеал образованности Нового времени был обусловлен новым пониманием роли знания в общественной жизни. Направленность на увеличение власти человека над природой, на совершенствование его интеллектуальных и физических способностей дала жизнь идеалу человека, который знает и умеет все. А путь, ведущий к достижению этого состояния, — это «пансофия» Я. Коменского, «учащая всему... что могут познать люди и о чем негоже оставаться в неведении мудрому человеку» (14, с. 333). Но великий педагог не мог не признать, что невозможно всех людей привести к глубокому знанию всех наук. Образованные массы, по его мнению, должны быть так, «чтобы в этом мире не встретилось им ничего, о чем бы они не имели возможности составить хотя бы скромного суждения и чем они не могли бы воспользоваться для определенной цели разумно, без вредной ошибки» (там же, с. 295). Образование у Коменского мыслится только в тесной связи с нравственным воспитанием. Вообще, те науки, которые рекомендует для изучения автор «Великой дидактики», являются скорее не целью, а средством для развития разносторонних способностей человека. Главным он считает научить каждого с пользой прожить настоящую жизнь и достойно подготовиться к будущей, вечной жизни с Богом.

Наряду с системой Я. Коменского, рассчитанной на разностороннее воспитание самой широкой массы людей, в XVII в. получает развитие идея образования для подготовки достойных представителей определенных сословий с прагматическим отношением к образовательным программам и нравственным установкам. Так,

в Англии Дж. Локк создает систему воспитания «джентльмена». Для ее последователей нужно было знать не все, а только «то, что важно для нашего поведения» (15, с. 94). Джентльмену важна была «утонченность в обращении», предприимчивость, приобретение всех качеств человека, занимающего привилегированное положение в обществе с зарождающимися буржуазными отношениями. Это, по мнению Локка, достигалось ознакомлением с достаточно широким кругом наук, среди которых выделялись языкознание, математика, право, бухгалтерия. Значительное место в системе отводилось физическому воспитанию и ручному труду.

Развитие капиталистических отношений приводит в XVIII в. к закреплению буржуазного характера идеала образованности. Наряду с осознанием объективной потребности в распространении знаний среди всех слоев населения существовало элитарное образование, обеспечиваемое наличием необходимых финансовых средств и отличающееся широтой и качеством. Преобладающим становится мнение о том, что дети из низших сословий должны быть подготовлены к будущей профессиональной деятельности, воспитаны как прилежные и честные труженики, а фундаментальное образование необходимо только богатым. Это в полной мере отражено в трудах видных ученых и педагогов XVIII—XIX вв. Так, Дж. Пристли считал, что систематические знания должны получать только молодые люди из имущих классов. Именно среди них он видел свой идеал образованности, в содержание которого включал знание естественных наук и их историю, цикл гуманитарных и изящных наук, а также воспитание чувства большой моральной ответственности за честь и достоинство своего класса (16, с. 42). Этим же взглядам придерживались и английские утилитаристы, но их план образования высших сословий уже резко повернулся в сторону поиска пользы и выгоды для будущей практической жизни. В «Хрестоматии» И. Бентама — одного из основоположников утилитаризма — гуманитарный цикл запланированных предметов ограничен курсом истории, а естественные науки, основы промышленного производства и их приложение к практике занимают доминирующее положение (там же, с. 17—20).

Поиском путей преодоления разрыва теоретического знания с практикой в XIX в. занялись позитивисты. О. Конт считал, что современное общество нуждается в позитивном образовании, так как только оно учит «видеть, чтобы предвидеть», т. е. дает молодым людям совокупность позитивных понятий обо всех главных видах естественных явлений и возможность с их помощью влиять на ход жизненных событий. Странником позитивизма был и Г. Спенсер. Его идеал — это человек, вооруженный знаниями, практически по-

лезными во всех основных видах деятельности: «1) ...которые непосредственно ведут к самосохранению; 2) ...которые только посредственно влияют на самосохранение; 3) ...которые имеют целью воспитание и обучение потомства; 4) ...которые способствуют поддержке надлежащих социальных и политических отношений; 5) ...которым человек посвящает свободное время для удовлетворения своих вкусов и чувств» (17, с. 6). В свою образовательную программу Г. Спенсер включил физиологию, математические науки, механику, физику, химию, астрономию, геологию, биологию, социологию, психологию, эстетическое воспитание (с указанием на его второстепенность). Видно, что большинство гуманитарных наук было признано не соответствующими принципу полезности и исключено из ряда обязательных для изучения. XIX в. окончательно противопоставил системы реального и классического образования.

Уже в творчестве Ж.-Ж. Руссо и далее И.Г. Песталоцци, Ф.В.А. Дистервега появляется стремление гармонизировать образование. Их идеи легли в основу оформившегося к началу XX в. «свободного воспитания», идеалом которого была гармонично образованная, эстетически и физически развитая личность, научившаяся самостоятельно добывать знания и применять их на практике. Немецкая классическая философия отчетливо показала необходимость цельного культурологического образования. И. Кант был восхитен новым течением в педагогике — филантропизмом. Он писал о первом Филантропине: «Такое учебное заведение уже не есть только прекрасная идея; оно действительно и с полной очевидностью доказывает, что то, что давно уже стало предметом общего желания, исполнимо» (18, с. 468). Таким образом И. Кант признал наличие, по крайней мере в среде «разумных» людей, идеала образованности, сочетавшего разностороннее интеллектуальное развитие с физическим и трудовым обучением. Филантрописты стремились подготовить граждан, полезных для общества, умеющих использовать свои знания и умения в практической жизни. Их утилитаризм, в отличие от английского, опирался на осознание необходимости не только профессиональной, но и общекультурной подготовки. В учебный план Дессауского Филантропина были включены немецкий, французский, латинский, греческий языки, философия, мораль, математика, естествознание, история, география, рисование, музыка, ручной труд (19, с. 94). Эту же тенденцию в конце XIX — начале XX вв. продолжили сторонники «нового воспитания». Рост социальной потребности в специализации образования привел их к введению уже в старших классах средних школ профессиональной подготовки, т.е. преподавания

предметов, соответствующих будущим видам деятельности, выбранным учениками. Опасения по поводу профессионализации образования были уже у Г.В.Ф. Гегеля: «Посвящая себя вообще определенной профессии, мы отдаляемся от представления о целом, связываем себя с ограниченной частью» (20, с. 414). К сожалению, далеко не все идеи классиков философской и педагогической мысли нашли свое воплощение в жизни. Реформы, проведенные в Европе XIX в., привели только к закреплению протivotостояния специального образования университетскому, а технического — гуманитарному.

В XX в. стало очевидно, что односторонние ориентации в образовании недостаточны. Выход из кризиса видится теперь в оформлении нового идеала образованности, соответствующего современным потребностям общества, и создании моделей успешной реализации его в жизни.

Литература

1. *Гогоцкий С.* О различии между воспитанием и образованием в древнем мире и новые времена. Киев, 1874.
2. *Жураковский Г.Е.* Очерки по истории античной педагогики. М., 1963.
3. *Лосев А.Ф.* Классическая калокагатия и ее типы // Вопросы эстетики. Вып. 3. М., 1960.
4. *Платон.* Диалоги. М., 1986.
5. *Платон.* Соч.: В 3 т. Т. 3. Ч. 2. М., 1972.
6. *Аристотель.* Соч.: В 4 т. Т. 4. М., 1983.
7. *Трачевский А.* Воспитательные идеалы классического мира // Русская школа. 1890. № 8.
8. Человек античности: Идеалы и реальности. М., 1992.
9. Антология педагогической мысли христианского средневековья. Т. 1. М., 1994.
10. *Уколова В.Ю.* Флавий Кассиодор // Вопр. истории. 1982. № 2.
11. *Боргош Ю.* Фома Аквинский. М., 1966.
12. Антология мировой философии. Т. 1. Ч. 2. М., 1969.
13. *Монтень М.* Избр. М., 1988.
14. *Коменский Я.А.* Избранные пед. соч. Т. 2. М., 1982.
15. *Локк Д.* Соч.: В 3 т. Т. 1. М., 1985.
16. Из истории зарубежной школы и педагогики. М., 1959.
17. *Спенсер Г.* Воспитание умственное, нравственное, и физическое. СПб., 1898.
18. *Кант И.* Соч.: В 6 т. Т. 2. М., 1964.
19. *Пискунов А.И.* Очерки по истории прогрессивной немецкой педагогики конца XVIII — начала XIX в.
20. *Гегель Г.В.Ф.* Работы разных лет. Т. 1. М., 1970.